

В ПОМОЩЬ ПРИРОДЕ

ИНТЕРВЬЮ С ДЖОНОМ ДЖ. ДЖЕКСОНОМ-ТРЕТЬИМ

Джон Дж. Джексон-третий – основатель и президент общества «Природоохранная сила» (Conservation Force). Оно является, вероятно, наиболее влиятельной (хотя и, возможно, наименее известной) организацией, действующей в настоящее время от имени охотников. Журнал Sport Afield встретился с Джексонем на международной выставке Safari Club International 2012 и расспросил создателя этой структуры о его работе.

Sport Afield: Расскажите нам немного о себе, как в личном, так и в профессиональном плане.

Джон Дж. Джексон: Я из Луизианы, охотюсь и рыбачу практически всю жизнь. С тех пор как я стал адвокатом 38 лет назад, я безвозмездно сотрудничаю с организациями охотников и рыболовов. Вообще-то мои самые первые действия в качестве адвоката заключались в регистрации клуба любителей ловли тарпона.

Я был уже членом Safari Club International (SCI), когда в 1989 г. возникла проблема слонов. Мне нравится охота на слонов, и я убеждён, что охота – это важный элемент обеспечения их выживания. Поэтому я предъявил иск Службе охраны рыбы и дичи США (U.S. Fish and Wildlife Service – FWS), чтобы отклонить её требование включения слонов в список угрожаемых видов.

Примечание редактора: Соединённые Штаты являются участниками Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры (СИТЕС), которая определяет, какие виды разрешается экспортировать из той или иной страны. Во многих случаях, причём даже тогда, когда какие-то виды могут быть легально вывезены из страны по правилам СИТЕС, применяются более строгие ограничения в соответствии с Законом США о находящихся под угрозой уничтожения видах (Endangered Species Act – ESA), запрещающие импорт данных видов в США. Так и случилось, когда слоны впервые были включены в списки СИТЕС. И Служба охраны рыбы и дичи США поначалу ввела запрет для граждан США на импорт любых слонов, независимо от страны их происхождения. Хотя в то же время охота на слонов, так же, как и их экспорт, была вполне официально разрешена многими странами.

Я объяснил руководителям SCI, что я оформлю и подам иск безвозмездно, если они позволят мне выступать от их имени, и они согласились. Мне удалось добиться успеха, и поэтому охотники имеют возможность привозить с собой бивни слонов, которых они законным образом добыли на сафари. Это была серьёзная битва. Ведь впервые кому-либо из охотничьего сообщества удалось добиться положительного судебного решения против FWS и ESA. Я приобрёл известность как «человек-слон», что практически способствовало моему выдвижению на пост президента Клуба с 1995 по 1996 гг.

После этого я приступил к работе и над другими проектами, включая восстановление возможности для охотников импортировать аргали и белых медведей. К концу моего президентского срока в Клубе многие сочли необходимым продолжить эту работу, поэтому в 1997 г. было учреждено общество «Природоохранная сила». Моя жена Крисси забросила свою карьеру, чтобы помочь мне в деле спасения охоты. Она руководит нашей программой «Природная среда для охоты», которая представляет собой трастовый земельный фонд, и мы создали природоохранные сервитуты по всей стране.

SA: А чем ещё занимается «Природоохранная сила»?

ДД: Нас финансирует около 270 международных природоохранных групп, включая Safari Club International, Dallas Safari Club, Wild Sheep Foundation (Фонд сохранения диких баранов) и многие другие.

Мы насчитываем также от 6000 до 7000 содействующих нам лиц. Но мы не являемся структурой, состоящей из зарегистрированных членов в привычном смысле слова. Наша организация занимается предоставлением услуг, то есть мы помогаем существующим организациям выполнять и продвигать в обществе свои задачи по охране природы. Мы – благотворительная некоммерческая организация, и наша миссия заключается в просвещении, охране природы и защите этих идей в обществе. Последняя задача включает в себя и судебные разбирательства.

В действительности мы не стремимся делать своё дело, прибегая к судопроизводству. Это, так сказать, финальный довод. Мы полагаем, что самый лучший метод – это поиск взаимопонимания с (официальными) структурами, пока мы не заметим за ними фальши. Так что обращение в суд – это, как я и говорил, финальный довод, но мы прибегаем к нему, если только государственные органы просто не взаимодействуют с нами. У нас есть 38 адвокатов, безвозмездно сотрудничающих с нами.

Ну, вот, например, мархур Сулеймана в Пакистане. В 1980-х годах его популяция увеличилась с приблизительно 30 голов, то есть почти с грани вымирания в своей естественной среде обитания, до солидной численности, превышающей 3000 голов, и продолжает расти в результате охотничьих программ, организованных на базе интересов местных племён. Охотники из США готовы платить заоблачные цены за право добычи этих животных, и они готовы заплатить ещё больше, если им будет разрешено привезти домой эти свои трофеи. И деньги эти идут непосредственно на эти же программы, содействующие дальнейшему росту поголовья мархуров.

Вот уже десять лет мы просим FWS выдать некоторое количество лицензий на импорт мархуров. Но ответа от них мы не получили. Наконец, мы обратились в суд, так что они были вынуждены выдать разрешения. И хотя они годами трубили об успехе природоохранной программы для мархуров, но выдавать импортные лицензии отказывались. Мы впоследствии выяснили, что поначалу выдача этих разрешений была одобрена, но там, наверху, опасаясь противоречий, фальсифицировали разрешения и отвергли их выдачу. Это просто позор. Мы сейчас оспариваем это решение в суде. То же самое происходило и с разрешениями на импорт лесного бизона – и это дело мы только что выиграли.

SA: Это кто же такие – «там, наверху»?

ДД: Политики. Однажды министр одной страны сказал мне: «Ваша страна вам лжёт. Они и не собираются делать то, что надо. Они слишком озабочены по поводу политических противоречий». Суть ведь в том, что всякому понятно, что нужно сделать. Самые известные учёные мира заявляют, что охота

может использоваться как способ охраны таких животных как мархур, и они сами специально разработали действенные проекты и охотничьи программы. И все с этим согласны: и 170 государств-членов CITES, и Всемирный союз охраны природы (IUCH). Но не FWS. И их упрямство ещё и подстёгивается вмешательством политиков, которые только и заботятся о защите своих собственных интересов.

Если вы – президент Соединённых Штатов, и у вас на носу выборы, то ваше окружение и не позволит вам сделать то, что следовало бы, даже если вы этого и захотите. При администрации Буша рассматривался вопрос о разрешении импорта мархура и носорога, но потом дело это сунули под сукно. При нынешней администрации FWS в порядке эксперимента одобрила выдачу импортных разрешений, но позже они вынуждены были изменить свою позицию на «свидетельскую привилегию», то есть на действия в негласном порядке, чтобы не возникло противоречий. Итак, возобладали политические интересы. И ведь им известно, что такие положения ESA только вредят этим самым видам, но они ведь не так важны, как их собственные эгоистические соображения. Частенько можно услышать, что в других странах коррупция процветает, но я полагаю, что наши собственные бюрократы просто выступают против наших с вами интересов.

SA: А как насчёт белых медведей?

ДД: Внесение белого медведя в список угрожаемых видов в соответствии с ESA было решением

политическим и связанным с глобальным потеплением. Сейчас поголовье популяции белых медведей как никогда велико. Они отлично себя чувствуют. Но поскольку охотникам не разрешено их импортировать, раз уж белые медведи вошли в этот список ESA, то ценность их была снижена. Доходы, которые получались ранее от охоты, стимулировали лучшее управление этой ситуацией. И даже исполнительный директор Комиссии по морским млекопитающим (Marine Mammal Commission), согласный со списком ESA, предпочитает, чтобы охота не запрещалась. По иронии судьбы, самая большая опасность сейчас для белого медведя заключается во внесении его в этот список.

В настоящее время я работаю в суде над этой проблемой в том ключе, что FWS обязана учитывать программы иностранных государств перед тем, как включить те или иные виды дикой природы в список ESA. А этот аспект в FWS игнорируется. Мыдвигаем это положение как процедурное, то есть обязательное, а не как предоставленное на усмотрение Службы решение.

SA: Кто способен вычистить авгиевы конюшни Службы? Смог бы улучшить положение дел такой её директор, который последовательно бы выступал за развитие охоты?

ДД: Не должно быть вмешательства политических интересов. Нынешний директор вообще-то склонен разрешить импорт чёрного носорога. Но его приформозили политические советники Белого дома.

Джон Дж. Джексон-третий и его жена Крисси посвятили себя защите охоты как способа сохранения дикой природы во всём мире

А директор уже всё подготовил для такого разрешения. Так что нам всегда приходится «проталкивать» дело, хорошо ли уж это или плохо.

Подразделения Службы, с которыми я имею дело, не занимаются внутренними делами; это Департамент по международным делам. Они воспринимают себя как орган власти, а не управления. Их дело – обеспечивать выполнение законов, а не заниматься управлением дикой природой. И они вполне открыто заявили мне об этом в нашей недавней с ними беседе.

SA: Что, по вашему мнению, представляет сейчас основную угрозу для охоты и охраны природы?

ДД: На данный момент максимальную угрозу представляет кризис с конфискацией трофеев. Охотники, пытающиеся легально импортировать свою добычу из-за границы, подвергаются конфискации своих трофеев в беспрецедентных масштабах. И происходит это потому, что Служба в 2008 г. внесла изменения в свою служебную инструкцию, согласно которым малейшая неточность в оформлении документов на импорт должна приравниваться к попытке контрабанды трофея.

SA: Разве они внесли изменения в служебную инструкцию вот так вот, самочинно? Без всякого прохождения через какие-либо правоустанавливающие процедуры?

ДД: Ну да, именно так. И никто об этом и знать не знал. Мы были в растерянности, пытаюсь выяснить, что же там происходит. Поначалу мы думали, что это инициатива всего лишь одного служащего, но эти случаи умножались и учащались. Наконец, мы направили в Службу запрос в соответствии с Актом о свободе информации и увидели, что её директор изменил служебную инструкцию, поэтому всё это и происходило. И мы попали в эту ловушку. Количество эпизодов импорта трофеев в целом уменьшалось, а случаев конфискации – росло. Они конфискуют трофеи в среднем каждые полтора дня, то есть от 200 до 300 эпизодов ежегодно. И вовсе неважно, насколько незначительна та или иная ошибка в оформлении документов на импорт трофея, будь то ошибка официального лица, или утрата документов авиаперевозчиком, даже если у вас и остались их копии. То есть вот такие вот сущие пустяки.

SA: Относится ли это только к видам, внесённым в списки CITES?

ДД: Вовсе нет. Правда, всё это началось с указанных вами видов, но сейчас это происходит и с животными, даже не внесёнными в списки. Вчера, например, это произошло с трофеем пустынного барана. Каждые три дня или около того – случаи

конфискации трофеев леопарда. И массы других пятнистых представителей кошачьих, большинство из которых и вообще не должно было войти в запретительные списки. А ведь леопард – наиболее распространённый в мире представитель кошачьих, если не считать домашних кошек. Но они приняли решение, что будут рассматривать все эти случаи как контрабанду вне зависимости от незначительности ошибки, будь она даже пустяковая или безобидная – просто описка клерка.

Тем временем срок разрешений истекает и дело подвисает, что приводит к вторичным проблемам. Некоторые страны начинают задумываться, действительно ли охота ещё представляет собой стоящий способ охраны природы, если американским охотникам даже не разрешается ввозить свои трофеи. В этих странах есть и группы защитников прав животных, обещающих предоставление денежных средств их правительствам, если они запретят охоту. А теперь ещё нам и Служба наращивает запреты и препятствия. Так что дело худо.

SA: Поговорим о проблеме африканских львов. Какие факторы могут повлиять на то, чтобы лев появился в списке Приложения №1 на следующем заседании стран-участниц CITES? Предпринимает ли охотничье сообщество достаточные шаги для сохранения популяции львов?

ДД: Предложение внести в эти ограничительные списки африканского льва, если оно будет принято, может прихлопнуть добрую четверть африканской индустрии сафари. В ходе только что завершившегося исследования было проанализировано, насколько пострадает окружающая среда как прямой результат такого решения. Операторы охот в Танзании, если они потеряют льва, – теряют в том смысле, что если такие трофеи будет невозможно ввозить в США, то большинство американских охотников просто не приедут на охоту, – то они откажутся от многих своих концессий. Они просто не смогут возместить потраченные средства. И дело здесь не только в том, чтобы добыть льва, но в том, чтобы иметь такую возможность. Охотничье сообщество вкладывает средства в программы сохранения львов, включая и поощрение лимитов по возрасту на добычу этих животных. «Природоохранная сила» израсходовала за последнее десятилетие более полутора миллионов долларов на программы для сохранения африканских львов, и у нас в каждой стране, где они водятся, есть для них различные проекты. Мы потратили немало средств на поддержку африканских львов. Но если он попадёт в списки Приложения №1 CITES, то мы будем не в силах спасти и сохранить их.

SA: Неужели и вправду четверть индустрии сафари так зависит от существования львов? Ведь многие скажут, что я, мол, и вообще не планировал охоту на льва, так что как это может повлиять на меня?

ДД: При всём уважении – те, кто охотится на импалу, не платят за охоту на львов, это всё так. Но охотники на импал выигрывают за счёт охотников на львов. Разумеется, импал гораздо больше, чем львов. Но, чтобы привлечь охотников, необходимо иметь и по-настоящему крутую дичь. Все крупные животные нуждаются в самом обширном для них ареале обитания, и большинство мест, где водятся львы, находятся в охотничьих угодьях, а не в защищённых регионах. Например, 80% мест обитания львов в Танзании располагается в охотничьих угодьях. Если вы уберёте льва из списка дичи, и охотничьи операторы откажутся от этих лицензий, а края эти вернутся к сельскохозяйственной деятельности или к чему-нибудь ещё, то что же произойдёт с остальной дикой природой? Ведь дело-то в том, что некоторые учёные – специалисты по львам не считают, что такой контролируемый метод регулирования популяции диких животных, как охота, является полезным инструментом. Они просто считают, что охота – это излишнее изъятие особей из дикой природы, которое должно быть прекращено.

Знаете ли, вот мы тоже пытаемся закрыть охоту на львов в Южной Африке, поскольку она вся там происходит на огороженных территориях. Я, разумеется, не одобряю такой способ «консервированной» охоты. Но я способен изменить свою позицию, если это будет единственным путём к спасению львов. Первая максима природоохранной этики – охрана природы, и она имеет приоритет даже над этически контролируемой охотой. Так мы спасли белого носорога, оставив охоту на него в пределах огороженного пространства. И они размещены за оградой не для того, чтобы на них было проще охотиться, а для того, чтобы уберечь их от реальной угрозы. Это также относится и ко львам. Львы находятся в защищённых угодьях, потому что они должны быть там. Ведь если львы исчезнут из естественной дикой природы, то это, возможно, останется единственным приемлемым для нас решением.

SA: Что вы рассматриваете как свой самый большой успех в деятельности «Природоохранной силы»?

ДД: Создание самой организации, поскольку это привело не к одному только, а ко многим успехам. И, поскольку я занимаюсь этим давно, а в совете директоров работают отличные люди, то существует преемственность. Моя основная забота – это обеспечение нашей жизнеспособности. У нас небольшой оперативный бюджет – 6,9 миллионов долларов, и весь он расходуется на определённые

проекты. Подготовка запросов в Верховный суд требует расходов на их печать и оформление. Ну, и юридические проблемы никуда не деваются. Они только усложняются. В настоящее время многие организации содействуют нам, поскольку мало кого затронул кризис импорта трофеев.

Но даже если учитывать всё это, похоже, что этого недостаточно. У федеральных исполнительных властей отсутствует уважение к охотникам.

SA: О чём вы больше всего сожалеете, или чего вам так и не удалось добиться?

ДД: Охоту ведь можно использовать как способ спасения угрожаемых видов. ESA предусматривает, что FWS может выдавать импортные лицензии на некоторые виды фауны, если выяснилось, что охота «увеличивает» шансы вида на выживание. Это положение верно для таких животных как мархур, гепард, носорог, черномордая импала в Намибии и ягуар в Южной Америке. Вся природоохранная структура по этим видам помогает сохранить их, нанимая сотни следопытов, финансируя природоохранные программы, оплату труда штатных инспекторов по охране дичи, оперативные планы, предоставляя возможности для местного населения, создавая правительственную инфраструктуру. И всё это работает. Единственные, кто противится такой деятельности – это группы защиты прав животных. И политики.

Принимая во внимание всё то, чего нам удалось уже добиться, мы должны были бы добиться большего в нашей политике поддержки существования тех видов фауны, которых мы могли бы лучше всего сберечь. Например, в Намибии обитает самая большая популяция гепардов в мире, и они никогда и не должны были бы попасть в список угрожаемых видов. Мы разработали программу, согласно которой каждый охотник на гепардов должен уплатить 1000 долларов в фонд «Природоохранной силы», а мы финансировали сохранение гепардов в Намибии на 100%, и он стал самым крупным фондом по сохранению кошачьих в мире. Сотни фермеров у нас подписались на программу сохранения гепардов в своих краях, но FWS не выдала охотникам ни единого разрешения на импорт. Возьмите черномордую импалу – и там та же ситуация. Все охотники платят по 500 долларов за экземпляр. Но Служба и на импалу не выдала ни единой лицензии на импорт. И такой подход обрекает всю нашу стратегию на поражение.

Теперь, к сожалению, люди обнаружили, что они смогут импортировать черномордую импалу как трофей в форме некоего гибрида. Именно этим они сейчас и собираются заняться. И FWS, и ESA порождают извращённые побуждения, ведущие к уничтожению тех или иных видов. И это просто стыд и срам. В Намибии спасут гепардов, но сама страна не будет под таким же надёжным «зонтиком». Она

не получит никакого поощрения за это, и другие страны её примеру не последуют. И провал этой природоохранной программы – моё самое большое разочарование.

SA: Что вы намерены предпринять дальше?

ДД: Я вложил слишком много сил в это дело, чтобы отказаться от него. Мне пришлось пожертвовать своей адвокатской практикой. Иногда у меня возникают сомнения, особенно когда я не на охоте. Но мы – настоящая природоохранная организация, и нам известно, что охота – это самое эффективное средство для сохранения дикой фауны, и мы его применяем. Когда у меня ещё была обширная адвокатская практика, и я по три месяца в году охотился и рыбачил, то для меня самым приятным было воздать сторицей по мере моих сил охотничьему сообществу. Ведь мне так повезло, что я оказался в мире охоты и дикой природы. Даже трудно представить то наслаждение, которое я получаю от охоты. Я просто живу этим. Некоторые люди не так везучи, чтобы выйти на тот уровень бытия, с которого они могли бы подняться ещё выше, чтобы воздать по заслугам тому обществу, о котором они заботятся.

SA: Как можно помочь вам?

ДД: У нас в «Природоохранной силе» на счету каждый доллар. Многие присылают нам свою скромную лепту, и любое даяние неопределимо для нас. Ведь мы находимся на передовой. И средства эти не провалятся в какую-нибудь чёрную дыру; у нас нет иллюзионистов и волшебников. Сейчас нелёгкие экономические времена, поэтому тем более важно, чтобы то, что вы даёте, попадало бы по назначению.

SA: Хотелось бы услышать ваше мнение по поводу будущего охоты и дикой природы. Что там, впереди, кроется для нас?

ДД: Мы намерены сохранить охоту! И мы готовы понести потери, если необходимо. Сейчас весы качнулись вниз на противоположной от нас стороне. Но мы только вышли на битву. Я не вижу ничего более значительного в моей жизни, чем спасение самых важных вещей – охоты, рыбалки и дикой природы.

SA: А вы-то сами ещё охотитесь?

ДД: Я охочусь на белохвостых оленей в местечке, где я арендую землю в Луизиане. Выстроил там себе лабаз на позиции, что выглядит как Тадж Махал. Внутри есть стол и окно. Я там читаю себе судебные материалы, поглядываю в окно и высматриваю оленей. Признаться, я добываю там лучших оленей, чем когда бы то ни было; прогуливаться там ещё приятнее, но олени на Юге сообразительны. Так что мне там доводится читать немало юридических материалов.

В старое доброе время я дважды в год выезжал на сафари. Но сейчас я не могу себе позволить

охоту, да и времени нет. Так что я занимаюсь тем, что выполняю основную часть работы по юридическому сопровождению, поскольку я занимался этим последние 20 лет, и найти мне замену с адекватным опытом пока не выходит.

SA: Что-нибудь хотите добавить напоследок?

ДД: Надо признать, что в судах не понимают сути охоты. И мы должны им это объяснить. «Охота за головами» – так называют охоту защитники прав животных. Они заявляют в судах, что убийство животных – это мошенничество, и судьи очень быстро попадают в эту ловушку, особенно когда уполномоченные федеральные структуры выступают с аналогичной позиции. Так что в своих выступлениях я должен всё больше и больше времени уделять объяснению того, что делает охотничье сообщество для охраны природы. Ведь его программы существуют вовсе не потому, что каким-нибудь «большим шишкам» так нравится охотиться. А потому, что самые выдающиеся эксперты мира в области охраны природы разработали эти программы для спасения дикой природы и окружающей среды. Да, охота – это удовольствие, и она соответствует духу времени, а с точки зрения охраны природы она сегодня ещё более важна, чем когда-либо прежде в истории, учитывая конкуренцию за пригодные условия существования.

Многие считают, что охота – это анахронизм. Совсем наоборот. Она важна как никогда. И в этой парадигме спортсмены составляют основу. Охотники и охота – неотъемлемая часть дикой природы и неосвоенных пространств. Охотники дают больше для поддержания дикой природы, чем все остальные вместе взятые. Что, кстати, справедливо и в отношении фауны, не относящейся к категории дичи.

Однажды мне сказали, что я работаю только на состоятельных охотников. И я задумался: «Неужели это правда?». Нет, это не так. Дело заключается в том, чтобы использовать возможности богатого человека для спасения дикой природы и окружающей среды. И мы реализуем такие возможности, и стараемся делать это по максимуму. Так что речь идёт о пользе для охраны природы в целом, а не для отдельных охотников. О спасении дикой природы и неосвоенных территорий при помощи охоты и использовании охоты как движущей силы их сохранения.

Задача «Природоохранной силы», как общественной некоммерческой благотворительной организации, заключается в мерах по обеспечению и улучшению сохранности природы, девственных территорий и активного образа жизни на свежем воздухе. «Природоохранная сила» – международная структура, имеющая партнёров по всему миру. Узнайте больше о ней на её сайте: www.conservationforce.org.